

неожиданного сочетания двух пропозиций. Этот способ построения реализуется не только в сложных предложениях, он представлен и в простых предложениях благодаря актуализации свернутых предикатных выражений.

Ключевые слова: пословицы, синтаксическое и семантическое строение предложения.

Paul M. V. Syntactical techniques to achieve aphoristic in Ukrainian proverbs.

The article is devoted to the main principles of Ukrainian proverbs building. In proverbs, the same as in aphorisms, the laws of existence of not isolated, but generalized realities or situations are expressed. In complex and simple sentences predicative centers are not direct aphoristic character medium. Their content is usually either trivially or logically defective. Aphoristic character is achieved by unexpected combination of two propositions. This method of construction is realized not only in complex sentences, it is represented in simple sentences by actualization of hidden predicative expressions. In complex sentences between propositions that have explicit expression there is a variety of relations, which reflect typical relations between the parts of a complex sentence. In proverbs, expressed by simple sentences, there are usually fixed conditional relations between the predicative center and prepositional actualized syntaxemes.

Keywords: proverbs, the syntactic and semantic structure of sentences.

И. А. Сеница

Далаянский университет иностранных языков

**АВТОРСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБРАЗА Т. Г. ШЕВЧЕНКО
В СТИХОТВОРЕНИИ Б. А. ЧИЧИБАБИНА “ТАРАС”**

Статья посвящена вопросу функционирования имени собственного в поэтическом тексте. В основе исследования понимание художественного текста как особой коммуникативной единицы, в пределах которой происходят некоторые изменения в семантической структуре онима. Автор описывает влияние мифопоэтических символов на развитие коннотаций имени собственного и его трансформацию в образ-символ.

Ключевые слова: имя собственное, художественный текст, коннотация, образ, символ.

Многомерное пространство художественного текста независимо от его объема способно актуализировать у слова его семантические перспективы. Говоря о семантических перспективах, мы имеем в виду потенциальную способность лексемы развивать свою семантическую структуру.

А. А. Потебня, отвечая на вопрос, что такое “значение” слова, предполагал: “Очевидно, языкознание, не уклоняясь от достижения своих целей, рассматривает значение слов только до известного предела... Без упомянутого ограничения языкознание заключало бы в себе, кроме своего неоспоримого содержания, о котором не судит никакая другая наука, еще содержание всех прочих наук” [7, с. 19]. Сегодня же языкознание значительно расширило сферу своих научных интересов. Используя, прежде всего, методологию гуманитарных дисциплин, лингвистика развила ряд

новых направлений, характерной особенностью которых стало комплексное описание языковых данных. Именно к такому описанию мы хотим обратиться, избрав в качестве иллюстративного материала стихотворение “Тарас” известного харьковского поэта-шестидесятника Б. А. Чичибабина (1923–1994).

Целью данной публикации является анализ процесса актуализации коннотаций имени собственного, возникающих в условиях их контекстного функционирования и связанных с конкретным референтом онима.

Сегодня не вызывает сомнения мысль о возможности существования у имени собственного определенных коннотаций. Их появление связывают с рядом экстралингвистических причин. К тому же термин коннотация охватывает широкий круг семантических, эмоционально-оценочных, стилистических и других компонентов, дополняющих основное предметно-понятийное содержание языковой единицы и возникающих из взаимодействия исходных значений слов и предложений с фоновыми знаниями говорящих под влиянием контекста и ситуации. Т. В. Матвеева фиксирует в структуре коннотации компоненты нескольких типов: оценочный или эмоционально-оценочный (эмоционально-экспрессивный, эмотивный), параметрический (компонент интенсивности, указывает на предельную меру признака предмета), стилевой (указывает на традицию употребления слова в одной из сфер общения), культурный (соотносится со знанием образа жизни, традиций и обычаев, мировоззрения народа), образный (характерен для слов в переносном значении, является носителем определенного представления об обозначаемом), гонорифический компонент (связан с этикой взаимоотношений, указывает на иерархическую позицию говорящего по отношению к адресату речи или третьему лицу) [5, с. 155–157].

Для семантической структуры имени собственного коннотативный компонент является факультативным, поскольку он может появляться лишь у тех из них, которые способны развить дополнительные оттенки значения, связанные, прежде всего, с известным для круга носителей языка референтом этого имени. Коннотация, таким образом, возможна лишь у прецедентного имени (ПИ). Е. С. Отин пишет: “В языке художественной литературы и публицистики, в народно-разговорной речи, территориальных диалектах и жаргонах встречается своеобразный прием вторичной (“иносказательной”) номинации посредством собственных имен (онимов) с метафорическими, или символическими, значениями. С их помощью “переносно” именуется то, что при нейтральном стиле выражения могло быть обозначено посредством нарицательных имен существительных (апеллятивов). При этом такие слова продолжают оставаться онимами, не теряют своей способности соотноситься с другими собственными именами, воспринимаются в одном ряду с ними” [6,

с. 5]. Именно так происходит и с именами, имеющими определенное культурное значение среди носителей национального языка.

Имя *Тарас* для представителей украинского языкового сообщества является прецедентным именем, при употреблении которого “в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату (в другой терминологии – референту), а к набору дифференциальных признаков данного ПИ” [3, с. 172, 198]. Вынеся его в заглавие стихотворения, Б. А. Чичибабин тем самым перспективно определяет возможные проблемы, которые найдут отражение в тексте стихотворения.

Если при упоминании имени в заглавии у читателя и могут возникнуть несколько вариантов ассоциаций, то первые две строфы стихотворения их нейтрализуют. Уже в первой строфе автор актуализирует наиболее значимое для него значение, связанное с гением украинского народа Т. Г. Шевченко. Автор, оценивая нелегкий “поэта жребий”, избрал для себя жизнь и творчество Великого Кобзаря в качестве наивысшего мерила:

*Я призыванье наше меряю Тарасом,
Справедливей меры в мире не нашел.*

Уже здесь возникает контекстный ассоциат онима: *Тарас* → *мера*. Чтобы не было сомнений, о каком именно Тарасе говорит автор, далее он называет и фамилию:

*Только самый кровный был один Шевченко –
Мне огонь и посох, образ и пример.*

Не отграничивая себя от достижений мировой культуры, изучая и используя опыт классиков западной литературы (*Из тюрьмы Лубянской, из тенет застенка Возносили дух мой Гете и Бодлер*), Б. А. Чичибабин подчеркивает значимость для себя именно Т. Г. Шевченко. Именно он для писателя – *самый кровный*, т. е. близкий по крови, по национальному родству. Для убедительного доказательства близости двух авторов Б. А. Чичибабин использует в ряду ассоциатов с именем Шевченко субстантивы, обладающие символическим значением.

О необходимости обращать внимание на каждый вербальный знак поэтического текста говорит Н. Д. Арутюнова: “В любом художественном тексте встречаются слова, несущие дополнительную смысловую нагрузку, окруженные особым коннотативным ореолом и нередко получающие символическую функцию. Чем объяснить их отмеченность? Причины могут быть самые разные. Их часто видят в сохранившихся в подсознательном слое психики архетипах, в архаичных схемах мифологического мышления (Топоров 1995; Топоров 1997), в культурных или библейских ассоциациях,

ритуале или обряде – концептосфере (по терминологии Д. С. Лихачева (Лихачев 1993)), семиосфере (в терминах Ю. М. Лотмана (Лотман 1992)), в личном опыте автора, иногда в самом звучании или созвучности слов” [1, с. 525].

Поэтому обращаясь к лексеме *огонь*, вербализующей один из первоэлементов бытия, на наш взгляд, Б. А. Чичибабин актуализирует в тексте как один из универсальных его символических смыслов ‘середина, центр’, так и значение ‘чистый’ (очищенный огнем). Как отмечает В. В. Жайворонок, огонь дает свет и тепло, два главных источника жизни, что делает его объектом культа у всех народов, символом Божьей силы [2, с. 105].

Ассоциативные эксперименты, проведенные группой российских исследователей среди представителей славянских лингвокультур, выявили реакции, свидетельствующие о сохранении в когнитивной базе современных носителей русского, украинского, белорусского и болгарского языков именно таких значений, связанных с мифологическими представлениями древних славян [8, с. 176–178]. К тому же, огонь, по наблюдениям М. М. Маковского, в отличие от воды, считался язычниками мужским началом [4, с. 240–243]. Контекстную актуализацию этого значения, на наш взгляд, поддерживает и лексема *посох*, которая, кроме символического значения ‘сверхъестественной силы, связанной с энергией дерева, фаллоса, змеи, руки (указующего перста)’ и ‘власти над земным миром’ [12], символизирует и мужское начало [11].

Первая пара контекстных ассоциатов *огонь и посох* инициирует, по нашему мнению, процессы символизации имени Тарас Шевченко. Следующая пара *образ и пример* эксплицирует механизмы реализации данных процессов, а именно возникновение у онима образно-переносного значения, обусловленного реальной жизнью Кобзаря, основные события которой далее описывает автор стихотворения.

Анализ прямых и переносных номинаций Тараса Шевченко, используемых автором стихотворения, позволяет утверждать об их “поддерживающем, закрепляющем” действии данных ассоциаций. В стихотворении находим следующий ряд номинаций:

поэт в крылатке, холопский хлопчик, вечный бобыль (“Не поэт в крылатке, а холопский хлопчик Мыкался по свету вечным бобылем”);

могучий тополь (“...в землю врос корнями, как могучий тополь...”);

гений (“...За прямую правду гения гоняли По тюремным дырам, по сухим пескам...”);

Шевченко (“...С марта и до мая, с березня до травня Шествует Шевченко грянувшей весной...”);

батько (“...И народ рабочий аж за океаном Кланяется земно батьку своему...”);

Тарас (“...Поплывем, громада, морем Кременчугским До горы Чернечей, где лежит Тарас...”);

Кобзарь (“...Слышат все народы строфы “Заповита”, Головы склоняя перед Кобзарем”).

Каждая из номинаций: одиночная лексема или словосочетание, кроме имени Тарас и фамилии Шевченко, – вне контекста содержит коннотативно-оценочный компонент, входящий в состав их значений, сравним:

1) *холопский* – “1. *Ист. и устар.* Прил. к холоп (в 1 и 2 знач.)” [10, т. 4, с. 617], *холоп* – “1. В древней Руси лицо, находившееся в зависимости по форме близкой к рабству... 2. *Устар.* Крепостной слуга” [там же], *хлопчик* – “*Разг. Уменьш.-ласк.* к хлопец, маленький мальчик” [10, т. 4, с. 606] – выбор формы существительного с уменьшительно-ласкательным оттенком значения эксплицирует авторское отношение к объекту описания, способствуя формированию текстовой модальности;

2) *вечный* – “2. Не перестающий существовать, никогда не прекращающийся. ... // Чрезвычайно долго занимающийся одним и тем же или находящийся в одном и том же состоянии, положении” [10, т. 1, с. 160], *бобыль* – “2. *Разг.* Одинокий, бессемейный человек. *Жить бобылем*” [10, т. 1, с. 100] – характеризуя семейное положение объекта описания, словосочетание *вечный бобыль* одновременно актуализирует в сознании читателя и национально-культурные коннотации, связанные с отношением славянских народов к данному явлению: “В общественной жизни безбрачные пожилые люди иногда пользуются особым авторитетом среди односельчан, однако чаще всего к Б. относятся с презрением, осуждением или сожалением. ...Холостого не считают полноценным человеком: “холостой – полчеловека” – у русских, “не е човек” [не человек] – у болгар, “чоек не може битн чоек док га жена не крети” [мужчина не человек, пока не будет “крещен” женой] – у сербов; дают ему обидные прозвища (болг. огорел. опален пън [обгорелое бревно] – о холостых и бездетных)..” [9, т. 1, с. 147];

3) *тополь* – “Дерево сем. ивовых, с высоким прямым стволом, с глянцевыми листьями различной формы и с цветками, свисающими в виде сережек” [10, т. 4, с. 383], *могучий* – “2. Очень большой значительный (по силе, степени, величине), мощный... // С толстым стволом, с густой, раскидистой кроной (о деревьях)” [10, т. 2, с. 285]. Выбор тополя как одного из деревьев для сравнения с автором неслучаен. Мы усматриваем здесь несколько причин. Во-первых, дерево – символическое явление для мифопоэтических систем разных народов. В частности, для славян оно является “образом пространства и времени. В ряде поверий Д. предстает как мифопоэтическая проекция вселенной (см. Мировое дерево). Д. коррелирует с разными вариантами мировой вертикали – с мировой осью...” [9, т. 1, с. 61; 4, с. 134]. “К числу фольклорных и мифологических констант принадлежит и

символическое отождествление человека и дерева...” [9, т. 1, с. 63]. Это тождество находит свою поэтическую реализацию в фольклоре и художественной литературе, где человек очень часто превращается в дерево. В произведениях украинской классики наиболее известными случаями превращения являются баллада Т. Шевченко “Тополя”, где девушка превращается в тополь, и драма-феерия Леси Украинки “Лісова пісня”, где Мавка становится плакучей вербой.

Нам важно учесть среди множества описанных мифопоэтических смыслов и указание М. М. Маковского на символическую связь дерева и огня: “Значение дерево” соотносится также со значением “огонь”: ср. латыш. *veris* “лес”, но и.-е. **цег-* “гореть”; прусск. *garian* “дерево”, но русск. *гореть*; др.-англ. *seart* “лес”, но и.-е. **кег-* “гореть” (ср. ирл. *ca'M* “дерево, лес” – и.-е. **kel-* “гореть”)” [4, т. 141].

Такая аналогия позволяет нам рассматривать сравнение Т. Г. Шевченко с “могучим топодем”, который врос в землю своими корнями, не только как прием олицетворения, но и как образ-символ, актуализирующий заданные в начале стихотворения смыслы;

4) *гений* – “2. Человек, обладающий высшей степенью творческой одаренности в какой-л. сфере деятельности” [10, т. 1., с. 305];

5) *батько* – в “Словаре русского языка” данная лексема зафиксирована в форме “БАТЬКА, -И, род. мн. -т е к, дат. -т ь к а м, м. *Прост. и обл. Отец*” [10, т. 1, с. 65]. В стихотворении она употреблена в форме *батьку* как слово украинского языка, которое является формой Д. п. существительного *батько*. Контекстные связи актуализируют одно из значений этой лексемы, а именно “1) ... чоловік стосовно своїх дітей...” [2, с. 29]. Причем детьми здесь выступает целый народ. Именно такую номинацию используют украинцы для тех, кто выражает их сокровенные мысли и желания, кто способен жертвовать своей жизнью ради общих национальных ценностей. Так называют не только Т. Шевченко, но и украинских гетманов, воевавших за свободу и независимость Украины. В таком значении лексему *батько* находим в фольклорных и художественных текстах, в текстах многих исторических исследованиях.

6) *кобзарь* – “Украинский народный певец, сопровождающий свое пение игрой на кобзе” [10, т. 2, с. 64]. В стихотворении это слово употреблено в контактном расположении с названием программного произведения Т. Шевченко “Заповіт” и написано с большой буквы. Таким образом, на наш взгляд, автор стихотворения актуализирует значение данной лексемы “2) (з великої літери) народний поет, співець, виразник художнього слова, народної думки, національних змагань; **[Великий] Кобзар** – у народі – Тарас Григорович Шевченко” [2, с. 294]. Такая точность в использовании данной лексемы при номинации объекта описания эксплицирует не только

етнические корни поэта, но и поддерживает ранее актуализированные коннотации, связанные с образом Т. Г. Шевченко.

Реальные факты из жизни Т. Г. Шевченко наполняют символический компонент значения имени собственного и актуализируют его для читателя. Хотим обратить внимание на способ введения фактуальной информации в текст стихотворения. Автор с этой целью использует вопросительные конструкции, адресованные читателю/читателям (вам, вас), вовлекая тем самым в ход описанных событий:

*Ну, а ноздри жгло вам воздухом Востока,
а тюрьмою был вам душный Кос-Арал?
А плетьюми вас драли панские сатрапы,
а случилось много ль в детстве голодать?
А за край свой ридный, за поля, за травы
на распятье душу сможете отдать?*

Как нам представляется, таким образом автор, кроме того, что предоставляет право читателю стать активным участником событий, он также пытается вызвать у читателя реакции, которые соответствовали бы описанным фактам: тюрьма, душный Кос-Арал, наказание плетями, голод и т. п. Только пережив все эти ужасы, ощутив их на себе, читатель сможет оценить мужество и героизм Шевченко.

Вынеся в сильную позицию начала стихотворения (заглавие и первые две строфы) имя собственное и ассоциаты-символы, автор тем самым заостряет внимание читателя и не отпускает до финальной строфы. Здесь Б.А. Чичибабин снова актуализирует символическое значение имени, используя образы, связанные с образом-символом огня – первоэлементом бытия, дающим свет и тепло: **Светом** его сердца вся земля повита, **Жаром** его мысли мир весь озарен...

Таким образом, художественное мышление поэта, основываясь на мифологической символике некоторых лексем, актуализируемой в тексте, способствует возникновению у имени собственного среди дифференциальных признаков и национально-культурных коннотаций.

Текст стихотворения, на наш взгляд, является иллюстрацией процесса символизации вербальных знаков, одним из которых может быть оним. Символика, использованная в начальных строфах, выдержана во всем тексте стихотворения. Образ Тараса Шевченко, созданный в этом небольшом тексте, не является оригинальным, но средства его описания создают уникальный подтекст, позволяющий проникнуть в концептуальный мир автора. И это позволяет говорить об авторской интерпретации образа украинского гения в пределах данного поэтического текста. Такие интерпретации имени собственного, имеющего референта, значимого в

общенациональном культурном пространстве, способствуют развитию данным именем прецедентных свойств.

Л и т е р а т у р а :

1. *Арутюнова Н. Д.* Символика уединения и единения в текстах Достоевского / Н. Д. Арутюнова // Язык и культура. Факты и ценности. – М., 2001. – С. 525.
2. *Жайворонок В. В.* Знаки української етнокультури : Словник-довідник / Віталій Вікторович Жайворонок. – К. : Довіра, 2006. – 705 с.
3. *Красных В. В.* “Свой” среди “чужих” : миф или реальность? / Виктория Владимировна Красных. – М. : ИТДГК “Гнозис”, 2003. – 375 с.
4. *Маковский М. М.* Сравнительный словарь мифологической символика в индоевропейских языках : Образ мира и миры образов / М. М. Маковский. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. – 416 с.
5. *Матвеева Т. В.* Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 562 с.
6. *Отин Е. С.* Словарь коннотативных собственных имен / Евгений Степанович Отин. – Донецк : ООО “Юго-Восток” Лтд, 2004. – 412 с.
7. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике / Александр Афанасьевич Потебня. – М. : Учпедгиз, 1958. – 536 с.
8. Славянский ассоциативный словарь : русский, белорусский, болгарский, украинский / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов. – М., 2004. – 800 с.
9. Славянские древности : Этнолингвистический словарь : в 4 т. / под ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 1995.
10. Словарь русского языка : в 4 т. / [гл. ред. А. П. Евгеньева]. – М. : Русский язык, 1985.
11. Словарь символов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://dic.academic.ru/dic.nsf/simvol/671>.
12. *Тресиддер Д.* Словарь символов / Джек Тресиддер. – М., 1999. – 193 с.

R e f e r e n c e s :

1. *Arutyunova N. D.* Simvolika uyedineniya i yedineniya v tekstah Dostoevskogo [Symbolics of solitude and unity in Dostoevsky' texts] / N. D. Arutyunova // Yazyk i kultura. Fakty i tsennosti. – M., 2001. – S. 525.
2. *Zhayvoronok V. V.* Znaki ukrayinskoyi etnokultury : Slovník-dovidnik [Signs of Ukrainian Ethnic Culture] / V. V. Zhayvoronok. – K. : Dovira, 2006. – 705 s.
3. *Krasnykh V. V.* “Svoy” sredi “chuzhikh”: mif ili realnost? [“Your” among “aliens”: myth or reality?] / Viktoriya Vladimirovna Krasnykh. – M. : ITDGGK “Gnozis”, 2003. – 375 s.
4. *Makovskiy M. M.* Sravnitelnyy slovar mifologicheskoy simvoliki v indoevropeyskikh yazykakh : Obraz mira i miry obrazov [Comparative dictionary of mythological symbolics in Indo-European languages : an image of the world and the worlds of images] / M. M. Makovskiy. – M. : Gumanit. izd. centr VLADOS, 1996. – 416 s.

5. *Matveeva T. V.* Polnyy slovar lingvisticheskikh terminov [Complete dictionary of linguistic terms] / T. V. Matveeva. – Rostov n/D : Feniks, 2010. – 562 s.
6. *Otin E. S.* Slovar konnotativnykh sobstvennykh imen [The dictionary of connotative proper names] / Evgeniy Stepanovich Otin. – Donetsk : OOO “YUgo-Vostok” Ltd, 2004. – 412 s.
7. *Potebnya A. A.* Iz zapisok po russkoy grammatike [From the notes on Russian grammar] / Aleksandr Afanasyevich Potebnya. – M. : Uchpedgiz, 1958. – 536 s.
8. Slavyanskij asociativnyy slovar : russkiy, belorusskiy, bolgarskiy, ukrainskiy [Slavic Association dictionary : Russian, Belarusian, Bulgarian, Ukrainian] / N. V. Ufimtseva, G. A. Cherkasova, Yu. N. Karaulov, E. F. Tarasov. – M., 2004. – 800 s.
9. Slavyanskiye drevnosti : Etnolingvisticheskiy slovar [Slavic antiquities : Ethnolinguistic dictionary] : v 4 t. / [pod red. N. I. Tolstogo]. – M. : Mezhdunarodnye otnosheniya, 1995.
10. Slovar russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language] : v 4 t. / gl. red. A. P. Yevgenyeva]. – M. : Russkiy yazyk, 1985.
11. Slovar simvolov [The dictionary of symbols] [Elektronnyy resurs] – Rezhim dostupa : <http://dic.academic.ru/dic.nsf/simvol/671/>
12. *Tresidder D.* Slovar simvolov [The dictionary of symbols] / D. Tresidder. – M., 1999. – 193 s.

Синиця І. А. Авторська інтерпретація образу Т. Г. Шевченка в поетичному тексті (на матеріалі вірша Б. О. Чичибабіна “Тарас”).

Стаття присвячена проблемі функціонування власного імені в поетичному тексті. Дослідження ґрунтується на розумінні художнього тексту як особливої комунікативної одиниці, в межах якої відбуваються семантичні зміни в структурі оніма. Автор описує вплив міфопоетичних символів на розвиток коннотацій власного імені та його перетворення в образ-символ.

Ключові слова: власне ім'я, художній текст, коннотація, образ, символ.

Synytzia I. A. The author's interpretation of the image of Taras Shevchenko in the poetic text (on the material of the poem by Boris Chichibabin “Taras”).

The article deals with the problem of proper name functioning in the poetic text. This research is based on an understanding of literary text as a special communication unit. Within a literary text semantic changes are taking place in the structure of the proper name. The proper name is analyzed as a component of a literary text. It has an ability to acquire connotative shades of meaning. These connotations can arise only in the precedent name. Connotations are associated with cultural, historical facts, which are important for carriers of a specific national language. A complex method of analysis is using in the article to describe the occurrence of connotations in the proper name. Author of the article analyzed the poem “Taras” of famous Ukrainian poet Boris Chichibabin. He is a poet of the sixties. Poet uses mythopoetical symbols when he nominates the hero. The functioning of mythopoetical symbols “the fire” and “the staff” in the text are described in the article. The poetic context supports the symbolic meanings of of these lexemes. Boris Chichibabin reflects of his world view in the text. Taras Shevchenko is the central figure of individual author's picture of the world, the symbol of purity, of masculinity for poet. He describes difficult childhood of Shevchenko, his work on the gentry, the struggle against the tsarist regime, the period in prison. Within the poetic context the precedent name acquires the properties of the image-symbol. Symbolic meanings of a proper name are the results of lexem-symbols using and effect of the literary text laws.

Keywords: proper name, literary text, connotation, image, symbol.